

ИВАН ИЛЬИН: КАКИМ МОЖЕТ БЫТЬ РУССКИЙ ЕВРОПЕЕЦ?

БОРИС МЕЖУЕВ

*Кандидат философских наук, доцент философского факультета МГУ им. М.В. Ломоносова,
председатель редакционного совета проекта «Русская Idea»*

Иван Ильин — философ, которого часто цитируют в России, но которого очень плохо знают. Знают только то, что ему довелось писать о немецкой философии, что он изучал право, защитил докторскую диссертацию о Гегеле, был выслан большевиками на «философском пароходе», а за границей отстаивал «сопротивление злу силой» и воевал против «мировой закулисы».

Между тем, Ильин был, возможно, первым в точном смысле слова «политическим философом» в России: не только потому что он писал о политике (кто только о ней не писал!), но потому что, пожалуй, единственный из всего русского религиозного возрождения схватил смысл политического — таинственную диалектическую связь «силы» и «свободы» — двух почти антагонистических, но тем не менее неотделимых друг от друга идей.

Не обладая силой, невозможно отстаивать свободу, хотя свобода есть нечто иное, как независимость от внешней силы. Свобода духовная основывается на силе разума и совести человека, которая велит принимать в качестве руководства к действию только то, что разум осознает в качестве истины. Как писал Ильин в своей статье «Философия Фихте как религия совести», «долг предписывает действовать вполне «самостоятельно», т.е. так, чтобы единственным мотивом

был закон, признанный самим действующим в лично-сверхличной разумной очевидности».

Свобода политическая держится силой государства, опираясь на которую граждане обладают возможностью подчиняться только той силе, которую они признают своей.

По существу, это сочетание свободы и силы и есть основа европейского модерна как социокультурного и философского проекта, и потому Ивана Ильина следует назвать самым современным, самым модернистским философом русско-

го религиозного Возрождения XX века.

Однако несмотря на то, что Ильин был, может быть, самым европейским из русских философов, он неприемлем для многих российских поборников европейских ценностей. Его не принимают социалисты и либералы, которые, отвергая и философию, и публицистику

Ильина, не могут простить ему написание «Писем о фашизме», в которой он действительно, как и многие другие современники, ошибочно пытался оправдать фашистский проект как успешный способ противостояния коммунистической угрозе в Италии.

Среди критиков Ильина есть, однако, и те, кто благосклонно относится к его ранним сочинениям, в частности, книге о Гегеле, к его

ИЛЬИН ЕДИНСТВЕННЫЙ СХВАТИЛ СМЫСЛ ПОЛИТИЧЕСКОГО – ТАИНСТвенную ДИАЛЕКТИЧЕСКУЮ СВЯЗЬ «СИЛЫ» И «СВОБОДЫ»

учению о конкретности Бога и человека, отвергая, однако, его политическую публицистику. Многие вслед за Гиппиус и Бердяевым превратно трактуют его книгу «О сопротивлении злу силою». И лишь немногие понимают, что Ильин, юрист по своему образованию, специалист по философии права и государства, не мог не думать о проблемах своего времени, отвлекаясь от чистой философии, что его публицистика представляет собой не только отклик на «злобу дня», но также и опыт конкретного постижения сложной и динамически меняющейся реальности.

Итак, удивительным образом предельно европейский по своим духовным истокам мыслитель стал в глазах либеральной общественности едва ли не воплощением интеллектуальной архаики. Человек, никогда не говоривший о цивилизаци-

онных отличиях России от Европы, предельно равнодушный к евразийским инвективам против романо-германского шовинизма во имя плюрализма народов и культур, стал своего рода символом державного самоопределения России в противостоянии либеральному Западу.

И надо признать, в этом аспекте и кроется вся загадка Ильина. Он поставил перед своими потомками одну важнейшую проблему, и нам надлежит понять, в какой мере его творчество и вся его жизнь содержат внятное ее разрешение. Проблема звучит так: можно ли быть русским европейцем и в то же самое безусловным и бескомпромиссным русским государственным деятелем? Можно ли, при всем подозрении к «международной закулисе», готовящей «расчленение России», в то же самое время сохранять веру в то, что между Россией и другими европейскими державами нет непроходимой цивилизационной, религиозной или этно-культурной грани, что мы, оставаясь сами собой, все же совместимы с немцами и французами в рамках гипотетической Европы «от Атлантики до Владивостока»?

Понятно, чем Ильин после мировой войны отличался от либеральных публицистов типа Георгия Федотова, предрекшего и фактически благословившего распад Советской империи, но интересна другая дилемма, кажется, даже еще и не поставленная внятно в русской консервативной мысли: Иван Ильин как заочный оппонент Николая Данилевского.

Соотнесение этих имен выдает спор русского консервативного европеизма с концепцией русской цивилизационной самобытности. Кто же прав в этом споре, кто более последователен в отстаивании национальных интересов Отечества — тот, кто не связывает судьбу России с судьбами Европы, или же тот, кто полагает, что эти судьбы связаны настолько тесно, что их окончательный разрыв обернется трагедией для всего континента?

Попытаемся вместе с нашими авторами разобрататься в идеях Ивана Ильина, взглянув на его философию и политическую деятельность в том числе и сквозь призму этой дилеммы.